

К ВОПРОСУ О РЕСТРИКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале французского, испанского, итальянского языков)

А. СТУОГИС

Рестрикция является синтаксической конструкцией, вытекающей из отрицательной атмосферы, когда в речевой цепи прерывается образование полного отрицания. Элемент *que* ставит вне сферы первоначально намеченного отрицательного действия глагола тот член, на который он направлен.

Направление действия на объект является одним видом связи глагола с существительным, а соотношение подлежащего с глаголом составляет другой вид этой связи. Подлежащее принято считать производителем действия. Между действием и производителем действия — грамматическим подлежащим — создается определенная связь, указывающая на интенсивность авторства подлежащего. Эта интенсивность является максимальной, когда действие выходит за пределы сферы подлежащего и направляется на объект, трансформируя его тем или иным образом. При наличии возвратных глаголов действие за сферу подлежащего не выходит. Еще менее активно подлежащее в безличных предложениях.

Рестрикция, вытекающая из отрицательной атмосферы, направляется главным образом на компонент глагола, но может быть направлена и на другие члены предложения, целиком подвергающиеся ее воздействию. Кроме того, рестрикция может быть направлена на грамматическое подлежащее, но тогда сфера ее действия требует специфических условий и является ограниченной. Из этого вытекает своеобразие рестрикции при синтагме подлежащего.

В современном французском языке существует ряд возможностей конструировать рестрикцию при синтагме подлежащего.

Первая, и при этом главная, возможность такого рода создается при помощи безличной конструкции всего предложения.

Безличная конструкция представляет собой особый тип предложения и является вместе с тем одной из характерных черт французского синтаксиса. Специфика безличного предложения, его особый характер заключается в своеобразном способе конструирования предложений, состоящих из сочетания *il*+безличный или безлично употребленный глагол, который составляет единое целое с предшествующим *il*. Характерной чертой безличных конструкций является то, что в них отсутствует производитель действия. *Il* является лишь тем членом, без которого, следуя нормам французской грамматики, глагол не может употребляться. Как любое личное местоимение, безличное *il* оформляет глагол и является грамматическим подлежащим. По мере того, как глагольная флексия ослабевала, *il* стало единственным ука-

затем на безличное действие и постепенно утратило семантическую связь с личным местоимением *il*.

В безличных конструкциях *il* лишено какого-либо предметного содержания. Это *il* является только формантом синтаксической конструкции и, следовательно, омонимом личного местоимения. Однако в безличной и личной конструкциях их роль неодинакова. В безличной конструкции *il* не представляет производителя действия, но грамматически оно выполняет ту же самую роль, что и *il* в личной конструкции. Их семантическая природа довольно различна, но грамматическая роль – обозначение подлежащего – остается той же самой. Таким образом, личное безударное местоимение *il* даже в безличных конструкциях полностью сохраняет свою грамматическую и синтаксическую независимость.

Вопрос о функции *il* в безличных предложениях неразрывно связан с определением синтаксической роли слова, следующего за глаголом и являющегося реальным производителем действия или тем элементом, о котором что-то сообщается в высказывании.

Одни авторы и считают его реальным подлежащим предложения¹, между тем как другие признают за ним некую роль определенного дополнения (комплемента) к подлежащему². Таким образом, в предложении имеются два подлежащих, одно из которых считается логическим, т.е. грамматическим, другое реальным, т.е. настоящим, которое, будучи полнозначным словом, является в предложении носителем лексической информации, тогда как другое остается только грамматическим формантом. Рестрикция не распространяется на чисто грамматические форманты, ибо она, сама будучи грамматическим явлением, предполагает наличие в предложении либо полнозначных слов, либо их заместителей, которыми являются ударные местоименные формы и на которые может быть направлено ее действие.

В современном французском языке по некоторым формальным грамматическим признакам полнозначное слово, следующее за безличным глаголом и выполняющее роль реального подлежащего в предложении, может быть сопоставлено с прямым дополнением. Оно, так же как и прямое дополнение, занимает определенную позицию, т.е. стоит всегда после глагола, тогда как синтаксическое *il*, играющее роль грамматического подлежащего, всегда предшествует глаголу. Однако несмотря на такое сходство с прямым дополнением, реальное подлежащее безличного предложения имеет свои отличительные грамматические свойства, которые не дают возможности включить его в категорию прямого дополнения. Наличие прямого дополнения связано с выражением субъектно-объектных отношений внутри предложения,

¹ M. Grevisse. *Le bon usage*. Paris, 1959; М. С. Гурьчева. Безличные предложения в современном французском языке. – «Иностранные языки в школе», 1954, № 4; Л. И. Илья. Грамматика французского языка. М., 1964; Н. Я. Хаперская. О местоимении «*il*» в безличных конструкциях. – «Ученые записки», 1960, т. XIX (Пятигорск).

² G. et R. La Bidois. *Le syntaxe du français moderne*, Vol. I. Paris, 1935; G. Galichet. *Grammaire structurale du français moderne*. Paris – Limoges, 1967; F. Brunot. *La pensée et la langue*. Paris, 1922; R. L. Wagner, J. Pinchon. *Grammaire du français classique et moderne*. Paris, 1962; J. C. Chevalier, M. Arrivé, C. Blanche-Benveniste, J. Peytard. *Grammaire Larousse du français contemporain*. Paris, 1964; Б. Д. Пехендзи. О структуре безличных предложений в современном французском языке. – «Ученые записки», 1961, вып. 56, № 183 (Л.).

так как мы имеем дело в таких случаях с переходными глаголами. Под дополнением безличного глагола следует понимать все то, что способно быть подлежащим личного предложения. Например, *Il est venu un homme. Un homme est venu.*

Безличный характер высказывания выражается иначе в испанском и итальянском языках, где наблюдается отсутствие безличного местоимения, эквивалентного французскому *il*. Для большей наглядности приведем аналогичный пример во всех трех языках:

фр. *Tout le monde était privilégié. Il n'y avait que des privilégiés* (Camus, Etr., 177).

исп. *Todo el mundo era privilegiado. No había más que privilegiados* (Camus, Extr., 112).

итал. *Tutti sono privilegiati. Non ci sono che privilegiati* (Camus, Str., 148).

В данном примере автор приводит один за другим два предложения, которые одинаковы по своему содержанию, но не одинаковы по своему грамматическому построению.

По своему строению французский пример — это предложение с двумя основными членами, с подлежащим и сказуемым, причем подлежащее выражено как будто двукратно. Некоторые грамматисты считают *il* только „мнимым“ и „иллюзорным“ подлежащим. Однако именно оно управляет глаголом, так как последний ставится в 3-м лице единственного числа. В нашем примере „действительное“ подлежащее, о чем дается определенная информация, выражено субстантивированным прилагательным *privilegiés*.

Во французском и испанском примерах глагол стоит в 3-м лице единственного числа, а в итальянском — в 3-м лице множественного числа. Во французском он согласован с безличным *il*, в испанском безличная форма глагола *haber* всегда употребляется только в единственном числе и соответствует французскому *il y a*. К примеру:

фр. *Il n'y a de prairies que dans les régions.*

исп. *Hay praderas sólo en regiones*³.

В отличие от французского и испанского, в которых безличная конструкция выражена глаголом 3-го лица единственного числа, итальянский оборот *c'è, ci sono* может иметь и единственное и множественное число в зависимости от грамматического числа существительного, при котором он употребляется. Например: *Nel dettato c'è uno sbaglio. Nel dettato ci sono tre sbagli.*

Во французском примере сохраняется нейтральный порядок слов благодаря наличию безличного *il*. В испанском языке наблюдается инвертированный порядок слов, подлежащее находится в постпозиции к сказуемому. В итальянском языке происходит аналогичное испанскому явление. По этому поводу Т. Б. Алисова замечает, что в итальянском языке всякое новое понятие, обозначенное подлежащим, отмечается путем его постпозиции в отличие от французского, где обычно сохраняется нейтральный порядок слов⁴:

³ М. Duviols, J. Villégier. *Trás el Pirineo*, I. Paris, 1966, p. 232.

⁴ Т. Б. Алисова. Взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений (на материале итальянского языка). — В кн. Общее и романское языкознание. М., 1972, с. 124.

итал. La porta di strada ogni tanto si apriva ed entravano *delle donne*: le vicine, le conoscenti, le comari della vedova (Levi, Crist., 34).

фр. La porte sur la rue s'ouvrait de temps en temps et *des femmes* entraient: des voisines, des connaissances, des commères de la veuve (Levi, Christ., 35).

Как видно из примеров, презентация подлежащего как „нового“ осуществляется во французском языке при помощи неопределенного артикля (*des privilégiés, des femmes*). В испанском языке, как и в итальянском, то же самое обозначается инвертированным порядком слов, т.е. постпозицией подлежащего. Например:

Creo que hoy se libraba *una batalla* importante y...
(Goytisolo, D. en par., 103).

В итальянском и испанском языках отсутствует элемент, управляющий глагольной формой и аналогичный французскому *il*. Поэтому остается смысловое управление, во многих случаях преобладающее над грамматическим. Когда существительное употребляется во множественном числе, наличие или отсутствие согласования этого существительного с глаголом выявляет безличный или неопределенно-личный характер данных конструкций. Однако наряду с грамматическими правильными оборотами в испанском и итальянском языках существуют конструкции, не признающие грамматического управления, т.е. глагол в таких конструкциях не согласуется с существительным, последнее же выполняет здесь функцию реального подлежащего, а вся конструкция имеет неопределенно-личное значение⁸. Например:

Per la vendemmia veniva a giornata nelle vigne tutta la gente ombrosotta, e tra il verde dei filari *non si vedeva che sottane* a colori vivaci e berette con la nappa (Calvino, Bar. ramp., 214).

Глагол *non si vedeva* стоит в единственном числе, хотя относится к существительному *sottane*, употребленному во множественном числе. С коммуникативной точки зрения подчеркивается их обоюдная независимость. Множественное число существительного в данном случае означает увеличенный коммуникативный акцент по отношению к самому существительному. Когда глагол и существительное оба стоят во множественном числе, коммуникативная нагрузка распределяется между обоими. Единственное число глагола указывает, по-видимому, на грамматическую сторону оборота.

В предложении глагол *vedere* представлен в возвратной форме. В коммуникации имеется большая разница между возвратным глаголом и наиболее обобщенным глаголом существования *essere*. Если бы в предложении вместо *vedere* был употреблен глагол *essere*, он только свидетельствовал бы о наличии объекта, на который распространяется рестриктивный оборот. Возвратный глагол сохраняет свою значимость, придает предложению лексический оттенок, и с коммуникативной точки зрения все предложение окрашивается лексической значимостью глагола.

В первом примере, приведенном из произведения Камю, частица *que*, появившаяся вместо ожидаемого *pas*, прерывает образование отрицания и пре-

11. В. Дегтяревская. Об одном типе безличных оборотов во французском, испанском и итальянском языках. — В кн.: Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков, вып. 2. Иркутск, 1972, с. 305.

вращает его в утверждение, образуя рестриктивный оборот *ne... que*. В предложении оборот *ne... que* направлен на подлежащее, функцию которого выполняет субстантивированное прилагательное *priviliégiés*.

Рестрикция может направляться только на слово, стоящее в постпозиции к глаголу, т.е. на объект глагола. Однако в безличных конструкциях объект глагола является реальным подлежащим предложения или субъектом высказывания. Не случайно в таких конструкциях подлежащее иногда считается дополнением. По отношению к нему рестрикция выполняет двойную функцию: 1) исключает его из отрицательной атмосферы; 2) выполняет выделятельно-подчеркивающую функцию.

Когда за реальным подлежащим следует относительное придаточное для образования рестрикции, направленной на подлежащее, используется оборот *il n'y a que... qui*. В структурном отношении в данном случае эта конструкция совпадает с одним из наиболее распространенных способов логического выделения во французском языке — *mise en relief*. Ср.: *C' est mon frère qui le sait. Il n'y a que mon frère qui le sait*. Именно в этой точке проявляется соприкосновение рестрикции с *mise en relief*. Для них характерна структурная общность (рамочная конструкция) и выполняемая функция-выделение подчеркиваемого члена. Однако главное различие между оборотами логического выделения и рестрикции состоит в том, что выделение вытекает из положительной, а рестрикция из отрицательной атмосферы.

Оборот *il n'y a que... qui*, используемый в качестве рестрикции, имеет смысл *seul(e), seulement* и образует с выделяемым членом предложение, способность которого подчеркивать значительно больше: „*Edwige seule me plaît*“ образует единицу гораздо более компактную, чем „*Il n'y a qu' Edwige qui me plaît*“, в котором подчеркиваемый член отнесен к самому себе⁶.

Безличную конструкцию во французском языке определяет присутствие безличного *il*, а в испанском и итальянском — отсутствие указателя лица. В таких конструкциях часто глаголы, которые обычно употребляются нормально, предстают как безличные. Некоторые из них используются широко (*arriver, rester, avoir, être* ecc.):

фр. Maintenant il ne lui *restait* qu'à mourir en niant l'amour, en niant l'amitié, en niant le dévouement (Zola, T. R., 244).

Ahora no le *quedaba* más que morir negando el amor, negando la amistad y negando la abnegación (Zola, T. R., 210).

Non ha altri figli e non gli *resta* altro che maritarsi, se non vuole che la sua roba se la goda la Mangiacarrubbe alla sua barba (Verga, Mal. 184).

Во всех трех языках глагол *rester*, использованный в качестве безличного, служит для выделения и подчеркивания реального подлежащего в предложении, выраженного неопределенной формой глагола. При помощи безличной конструкции автор настаивает на единственной возможности, оставшейся для его персонажа, на той, которую выражает член предложения, на который направлена рестрикция. В итальянском предложении к безличной конструкции присоединено местоименное прилагательное *altro*, которое лишь усиливает впечатление. Например:

⁶ M. L. Müller-Hauser. La mise en relief d'une idée en français moderne. Genève, 1943. p. 225.

Jamais il n'y avait eu *autre chose* que le Renaud des murs, des verres et des lits (Rochefort, Rep. du guer., 20).

Исключение „*autre chose*“ из предложения не изменило бы его содержания, так как „*autre chose*“ не дает никакой новой информации и является лишь дополнительным компонентом предложения, придающим ему определенный стилистический оттенок.

Сопоставление аналогичных примеров показывает, что французский рестриктивный оборот *ne...que* передается соответственно в итальянском *non...che*, а в испанском *no...más que*. Надо полагать, что испанское наречие *más* не всегда выступает полным эквивалентом французского *plus*. Французские грамматисты М. Дювиоль, Ж. Вильежне, Р. Лалуар в своих трудах, говоря о рестриктивных средствах, указывают, что французский оборот *ne...que* в испанском передается в основном *no...más que*, *no...sino* или *sólo*⁷.

В предложении

исп. „En toda la ciudad no se ven *más que catalanes*“, afirmaban las crónicas de la época (Blasco Ibáñez, Venus, 67).

фр. „Par toute la ville on ne voit *plus que des Catalans*“, affirmaient les chroniques de l'époque (Blasco Ibáñez, Vénus, 77).

испанское наречие *más* не выступает соответствующим синонимом французского *plus*, а является лишь компонентом рестриктивного оборота, в данном случае утерявшего в какой-то степени свое настоящее значение наречия „больше“ Во французском примере наречие *plus* выступает как усилитель передаваемого впечатления и, можно полагать, в данном случае оно употребляется переводчиком под влиянием испанского оригинала. В качестве доказательства мы можем привести пример, как французский оборот *ne...plus que* передается в испанском языке:

фр. Tout le monde valait, Mlle d'Andervilliers elle-même et la marquise; il n'y avait *plus que* les hôtes du château, une douzaine de personnes à peu près (Flaubert, Bov., 68).

исп. Todo el mundo, incluso la señora de Andervilliers y la marquesa, bailaban; ya no quedaban *más que* los huéspedes del castillo; una docena de personas aproximadamente (Flaubert, Bov., 99).

Как уже было сказано раньше, французский рестриктивный оборот *ne...que* иногда передается в испанском сочетанием *no...sino*. Противительный союз *sino* приобретает специфическое свойство элемента, исключающего другие элементы в таких предложениях, как *No lo sabe nadie sino Antonio*⁸, в котором абсолютному отрицанию *no lo sabe nadie* противопоставляется исключение, выраженное утвердительной формой *lo sabe Antonio*.

Выражение *más que* тоже может рассматриваться как исключающая частица в предложении типа *No lo sabe más que Antonio*.

В испанском языке очень часто замечается отсутствие слов *nada*, *nadie*, которые устанавливают абсолютный характер отрицания. Поэтому достаточно сказать *No lo sabe más que Antonio*.

⁷ M. Duviols, J. Villégier. Grammaire espagnole. Paris, 1957, p. 249; R. Laloire. Grammaire espagnole. Gembloux, 1956, p. 191.

⁸ J. Alfonso del Rio. Gramática española. Madrid, 1963, p. 248.

В других примерах союз *que* сам должен рассматриваться как имеющий значение *sino*: *No tengo más amigo que tú*⁹.

Рестриктивная или исключаящая частица *sino* своим значением приравнивается наречию *solamente*. Употребляется всегда после отрицательного слова (*no, jamás, nadie, nada*) или в вопросительном предложении, которое предполагает отрицательный ответ. Например:

Respecto de su vasto saber ¿qué puede decirse *sino* que era un verdadero prodigio? (Pérez Galdós)¹⁰.

Sino может употребляться и в утвердительных предложениях с рестриктивным значением, но в таком случае его значение приравнивается лексическому *excepto* или *salvo*:

Respondieronle que todos escuchaban, *sino* su señora, que quedaba durmiendo (Cervantes)¹¹.

Excepto или *salvo* являются лексическими средствами выражения рестрикции. Вначале они были причастиями и наречиями и только в ходе развития языка перешли в разряд исключаящих союзов.

Итак, рестрикция, направленная на подлежащее, обладает рядом особенностей. Во-первых, рестрикция предназначена главным образом для того, чтобы ограничить действие, распространяемое глаголом на его объект, поэтому обычное подлежащее не подлжит рестрикции. Однако „реальное подлежащее“ в безличном предложении, имеющее дистрибутивное сходство с прямым дополнением, может быть подвергнуто рестрикции. Во-вторых, рестрикция имеет не только общую точку соприкосновения с логическим выделением, но и различие, отличающее ее от *mise en relief*: первое вытекает из положительной, а второе из отрицательной атмосферы.

LTSR Valstybinė konservatorija
Kalbų katedra

Iteikta
1975 m. rugsėjo mėn

Сокращения

Camus, Etr.	– A. Camus. L'étranger. Paris, 1957; Trad. espagnole. La Habana, 1968; Trad. italienne. Milano, 1959.
Levi, Crist.	– C. Levi. Cristo è fermato a Eboli. Torino, 1948; Trad. française. Paris, 1948.
Goytisolo, D. en par. Pérez Galdós	– J. Goytisolo. Duelo en el paraíso. Barcelona, 1960. – B. Pérez Galdós. Doña Perfecta. Moscú, 1964.
Calvino, Bar. ramp.	– I. Calvino. Il barone rampante. Torino, 1965.
Zola, T. R.	– E. Zola. Thérèse Raquin. Paris, 1876; Trad. espagnole. La Habana, 1972.
Verga, Mal.	– G. Verga. I Malavoglia. Milano, 1939.
Rochefort, Rep. du guer. Blasco Ibáñez, Venus	– Ch. Rochefort. Le repos du guerrier. Paris, 1958. – V. Blasco Ibáñez. A los pies de Venus. Valencia, 1926; Trad. française. Paris, 1928.
Flaubert, Bov.	– G. Flaubert. Madame Bovary. Moscou, 1956. Trad. espagnole. La Habana, 1972.

⁹ J. Alonso del Rio. Gramática española. Madrid, 1963, p. 248.

¹⁰ A. Bello, R. J. Cuervo. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1954, p. 381.

¹¹ Там же.

SUR LE PROBLÈME DE LA RESTRICTION DANS LE SYNTAGME DU SUJET DANS LES LANGUES ROMANES

A. STUOGYS

Résumé

La restriction qui porte sur le sujet contient toute une série de particularités. Elle ne peut porter sur le sujet habituel, pourtant le „sujet réel“ dans les constructions impersonnelles peut être soumis à la restriction. La restriction a non seulement un point de contact commun avec la mise en relief, mais aussi un trait particulier qui la distingue de la dernière: la restriction part toujours d'une atmosphère négative, tandis que la mise en relief se forme dans l'atmosphère affirmative.